

О.В. Метель

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В ЭВАКУАЦИИ: ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН СССР В 1941–1943 гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-309.2020.6.

Анализируется деятельность сотрудников Института истории АН СССР в годы эвакуации. Проанализированы основные направления работы алма-атинской, ташкентской, московской и других групп Института, оказавшихся в 1941–1943 гг. «в рассеянии». Сделан вывод, что в период эвакуации основное внимание ученые уделяли коллективным проектам, направленным на решение задач, диктуемых условиями военного времени.

Ключевые слова: Институт истории АН СССР; Великая Отечественная война; эвакуация; советская историография; научная повседневность

На тему «советская историческая наука и Великая Отечественная война» написано немало статей и монографий [1–3]. Казалось бы, новым поколениям историков нечего добавить к сказанному предшественниками. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в рамках хорошо изученного сюжета то и дело обнаруживаются новые аспекты, требующие пристального изучения специалистами. К числу таких, на наш взгляд, можно отнести проблему «эвакуированной науки», которая требует изучения не только с точки зрения общих направлений перемещения советских вузов и академических институтов на Восток и их влияния на инфраструктуру принимающей стороны, но и с позиции анализа общих направлений работы эвакуированных учреждений, оказавшихся в новой для себя внешней среде. Именно поэтому в рамках настоящей статьи, опираясь на широкий круг источников личного происхождения, делопроизводственных документов и материалов специализированной периодики, мы стремились реконструировать основные направления научно-исследовательской деятельности главного академического исторического учреждения страны – Института истории Академии наук СССР, оказавшегося в годы войны «в рассеянии» – в городах Средней Азии, Казани, Свердловске, Москве и др.

Эвакуация Института истории, как и многих других академических учреждений Москвы, проходила в сложных условиях и заняла несколько месяцев. Как свидетельствуют записи очевидцев, впервые вопрос о перемещении сотрудников института в глубокий тыл был поставлен еще в начале июля 1941 г. Тогда планировалось спешно перевезти все учреждения Академии наук из Москвы и Ленинграда в Томск. Однако в исполнение этот план приведен не был, а в июле–августе 1941 г. Москву покинули только отдельные историки, эвакуированные в Казань (Б.Д. Греков, С.Б. Веселовский, С.К. Богоявленский и др.) и Боровое (Е.А. Мороховец). Как фиксировала в своих дневниках М.В. Нечкина, такое решение было воспринято сотрудниками института с недоумением. «Вчера еще их всех почти что везли в Томск, – писала она 11 июля 1941 г., – они спешно складывались, снимались с военного учета, везли старух и детей с дач, ликвидировали дела, закупали продукты, бронирова-

ли квартиры, полная ломка жизни. Сегодня вдруг новый приказ – все в корне меняется, из сектора едут лишь 3 человека, работа идет “по-старому”? – все остаются» [4. С. 347]. Схожим оказалось положение и в Ленинграде, который летом 1941 г. организованно покинули только три Института (Физико-технический, Ридиевский и Химической физики) и ряд академиков, также направленных в Боровое и Казань [5. С. 82]. В то же время основная часть работников Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ), как по своей воле, так и в силу угрожающего положения на фронтах, оставалась в осажденном городе вплоть до лета 1942 г. [6. С. 317].

Общая эвакуация Института истории АН СССР из Москвы пришлось на середину октября 1941 г. Проходившая в экстремальных условиях, связанных с быстрым продвижением к столице немецких войск, она, по воспоминаниям современников, стала сложным испытанием для научных сотрудников, покидавших город, используя для этого любой транспорт [7. С. 289; 8. С. 64]. Насколько мы можем судить, исходя из сохранившихся документов, место назначения эвакуированных историков определилось не сразу. По свидетельству А.М. Панкратовой, с 12 августа 1941 г. исполнявшей обязанности директора Института истории АН СССР [9. Л. 36], «13 октября состоялось решение о направлении обществ[енных] институтов в Ташкент, а 15-го новое решение – в Алма-Ату» [7. С. 289]. Для претворения в жизнь данной директивы в Казахстан из Казани, ставшей для многих ученых, недавно покинувших столицу, первым пунктом назначения, была направлена небольшая группа историков во главе с А.М. Панкратовой. Как свидетельствуют материалы переписки, последней пришлось проявить немалые дипломатические таланты для того, чтобы в столь сложных условиях получить от республиканского правительства согласие на размещение всех историков-москвичей в пределах одного города и признания за ними официального статуса эвакуированного института [7. С. 289]. Как сообщает Н.М. Дружинин, прибывший в Алма-Аты в составе другой группы ученых, выехавшей из Москвы только 21 октября 1941 г. и направленной в Казахстан из переполненного беженцами Ташкента, главным аргументом для местного партийного руководства стало

обещание А.М. Панкратовой силами московских исследователей осуществить подготовку «Истории Казахской ССР», издание которой было задумано в республике еще до войны [10. С. 25–30]. В результате после некоторых переговоров в конце 1941 – начале 1942 гг. в Алма-Аты была налажена работа «официальной» группы историков Академии наук, состоявшей из 10 человек (М.Н. Тихомиров, Р.А. Авербух, Ф.В. Потемкин, Ф.И. Нотович, А.П. Кучкин, М.П. Вяткин и др.).

Вместе с тем, несмотря на организацию официальной «алма-атинской группы», статус главного места пребывания эвакуированного Института истории АН СССР все же был закреплен за Ташкентом [11. Л. 3], «советскими Афинами» военного времени, куда осенью 1941 – зимой 1942 гг. разными путями прибыли историки из Москвы, Казани и других городов СССР, а летом–осенью 1942 гг. были централизованно эвакуированы члены гуманитарных институтов Ленинграда. Безусловно, такое положение сложилось отнюдь не случайно. Большинство ученых воспринимали Ташкент не только как знаменитый «хлебный город», с которым у них были связаны надежды на сытую и теплую зиму, но и как один из главных советских среднеазиатских научных центров, располагавший библиотеками и архивами. Недаром Б.Д. Греков в письмах к В.И. Пичете и С.В. Бахрушину отмечал, что его работу над книгой о крестьянах на Руси вряд ли удастся завершить в Алма-Аты, но на это есть шанс в Ташкенте [12. С. 98–99], а не сумевший покинуть Москву по состоянию здоровья археолог В.А. Городцов и вовсе сокрушался, что ему так и не доведется поработать в городе, куда он стремился отправиться в течение последних 40 лет [13. С. 323]. В результате ташкентская группа сотрудников Института истории, возглавляемая прибывшим в столицу Узбекской ССР в декабре 1941 г. из Казани Б.Д. Грековым, оказалась наиболее многочисленной, и в 1941–1943 гг. здесь жили и работали М.В. Нечкина, Р.Ю. Виппер, Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Э.А. Желубовская и др. Кроме того, наряду с москвичами, на протяжении 1941–1942 гг. в ряды сотрудников Института истории вливались и ленинградцы: И.И. Смирнов, А.В. Предтеченский, Б.А. Романов, С.Н. Валк и др.

Наряду с Ташкентом и Алма-Аты, сотрудники Института истории АН СССР находились в эвакуации и в других городах страны. Такое «рассеяние» стало возможным, с одной стороны, потому, что историки могли покинуть столицу как в составе организованных групп различных учреждений, где они состояли сотрудниками, так и в индивидуальном порядке (например, вместе с членами семьи, направляемыми на Восток), а с другой – в связи с тем, что принимавшая сторона нередко просто не могла обеспечить размещение больших организаций в рамках одного города и распределяла их работников по различным населенным пунктам. В результате, если М.В. Нечкина эвакуировалась с МГУ в Ташкент, то А.В. Мишулин, Н.А. Машкин, К.К. Зельин находились в составе того же учреждения в Ашхабаде, а В.М. Лавровский – в Фергане. Помимо названных городов, в 1941–1943 гг.

эвакуированные члены Института истории АН СССР оставались в Казани (А.В. Ефимов, Л.М. Иванов и др.), в Свердловске (В.П. Волгин), в Томске (А.И. Неусыхин, Ф.А. Хейфец и др.), в Бирске (А.Б. Ранович) и др.

География присутствия историков Академии наук будет неполной, если не принять в расчет тот факт, что уже зимой 1942 г. под руководством все той же А.М. Панкратовой в Москве началась организация особой – московской – группы Института [11. Л. 1]. Полагаем, что подобное решение было обусловлено общими потребностями данного учреждения, нуждавшегося в устойчивых связях со столицей и стремившегося принять участие в фиксации текущих военных событий. Недаром одной из важнейших задач, стоявших перед московской группой историков Института, являлась подготовка «Летописи Великой Отечественной войны» (тем более, что схожие цели преследовала и созданная И.И. Минцем Комиссия по истории Великой Отечественной войны [14]). Первоначально состав московской группы был небольшим и фактически не превышал 6 человек [11. Л. 3]. Однако уже весной 1942 г., когда благодаря относительной стабилизации положения на фронтах в столицу поспешили выехать Л.И. Зубок, Э.А. Желубовская, П.К. Алефиренко, Ф.И. Нотович и др., московская группа насчитывала уже 16 человек [15. С. 150]. В дальнейшем из Ташкента, Алма-Аты и других городов СССР в длительные командировки в Москву регулярно направлялись ученые-историки, стремившиеся получить доступ к необходимым для исследовательской работы материалам. Как писал Б.Д. Греков в одном из писем М.Н. Тихомирову, «в Москву в командировки до 2х месяцев выезжают Косминский, Бахрушин, Пичета, Эггерт» [12. С. 107].

Насколько мы можем судить по воспоминаниям современников, общие материально-бытовые условия, в которых оказались эвакуированные ученые в столь тяжелый для страны период, были более чем удовлетворительными, хотя и напрямую зависели от академического статуса сотрудника (что, впрочем, как убедительно показала Е.А. Долгова, было характерно еще для довоенного времени [16. С. 152–237]). В целом историки получали денежные выплаты, пайки, пользовались столовой и закрытыми распределителями. Как писал сотрудник ЛОИИ Б.А. Романов, прибывший в Ташкент из блокадного Ленинграда зимой 1942 г., в столице советского Узбекистана лучше всего были обеспечены академики, проживавшие в бывшей «благоустроенной гостинице НКВД с паровым отоплением, электрическим освещением, мойкой полов, примусными комнатами, душем, английскими уборными, бильярдом, роялем, телефонами» и пользовавшиеся особыми столовой и булочной [17. С. 314]. Эти же данные подтверждает переписка С.Б. Веселовского с А.И. Яковлевым, из которой мы узнаем, что прибывшие в декабре 1941 г. в Узбекистан академики и члены-корреспонденты были обеспечены «теплой комнатой в академическом общежитии», «хорошей столовой», позволявшей получать приличное трехразовое питание, «хорошими пайками и всяким ширпотребом», которые можно было взять в

специальном ларьке [18. С. 474]. Несколько иначе был организован быт основной части научных сотрудников институтов, имевших степень кандидата наук, размещенных в здании бывшей балетной школы им. Т.А. Ханум или поселившихся на частных квартирах. По сообщениям все того же Б.А. Романова, в «Хануме» было организовано именно общежитие с соответствующим «уставом»: «...в дортуарах недостаточный верхний свет; кровати на фу-фу; гвоздики на стенке; имущество на подоконнике и редких стульях, под кроватями и т.п. умывальни – одна для женщин, одна для мужчин (водопровод через один кран, очереди)» [17. С. 315]. Правда, нельзя не отметить, что для питания проживавших здесь также была организована специальная столовая, а необходимые непродовольственные товары можно было получить в ларьке.

Судя по сохранившимся письмам и воспоминаниям, схожая картина наблюдалась и в Казахстане. Как свидетельствуют мемуары Т.А. Фаворской, дочери известного ученого-химика, оказавшейся вместе с семьей отца в Боровом (где были также ученые-историки и востоковеды, продолжавшие, по словам М.О. Абсеметова, активную научно-исследовательскую деятельность [19, 20]), эвакуированные академики получали здесь достаточное снабжение: «...их [академиков. – О.М.] не только хорошо поместили, хорошо питали, но и заботились и об их одежде и обуви» [21. С. 678]. Постепенно наладился быт и «алма-атинской группы» историков: если в декабре 1941 г. Н.М. Дружинин сетовал на то, что ему и его коллегам приходится размещаться в одной большой комнате Казахского филиала Академии наук, то в дальнейшем он вспоминал, что эвакуированные историки были прикреплены к столовой и распределителю, получили возможность работы в специально оборудованном читальном зале и были включены в число городских лекторов [22. С. 46, 49].

Таким образом, хотя в письмах к коллегам историки, эвакуированные в Среднюю Азию, нередко отмечали непривычный для москвичей климат, перебои со снабжением или временное отсутствие электричества, в экстремальных условиях военного времени их положение все же казалось вполне обеспеченным, особенно по сравнению с теми, кто остался в Елабуге или Москве, а тем более в Ленинграде. К примеру, по сообщениям А.М. Панкратовой, в марте 1942 г. в Москве в ее квартире не было тепла и света, паек не выдавали, а питание было организовано один раз в день в Доме ученых [7. С. 291].

Оказавшись в эвакуации, советские историки стремились как можно скорее вернуться к научной работе, не только продолжая начатые ранее исследования, но и откликаясь на текущие потребности фронта и принимающих союзных республик. Одними из первых к полноценной исследовательской деятельности вернулись ташкентская и алма-атинская группы ученых-историков АН СССР. Так, в Ташкенте уже зимой 1942 г. был составлен общий план работы Института истории, адаптированный к среднеазиатским условиям, начали проводиться научные заседания и даже был организован процесс защиты диссертаций. Для иллюстрации данных процессов можно привести

фрагмент письма от 20 апреля 1942 г. Б.Д. Грекова к М.Н. Тихомирову, в котором директор эвакуированного института отмечал, что «жизнь для меня приняла характер московской: заседаний больше, чем можно вместить, лекции (бесплатные), выступления торжественные, полуторжественные и не торжественные на юбилеях, похоронах и... хотел прибавить свадьбах, но вспомнил, что только на свадьбах не приходилось вступать» [12. С. 103–104]. Схожие процессы в это время проходили и в Алма-Аты, где, по словам Н.М. Дружинина, маленькая группа ученых-историков «тоже развивала большую энергию», организуя дискуссии и обсуждения текущих научных вопросов, осуществляя подготовку научной и учебной литературы и участвуя в чтении массовых лекций [22. С. 48]. В иной тональности об активизации научной работы историков в Ташкенте писал С.Б. Веселовский, критиковавший в июне 1942 г. в письме к А.И. Яковлеву стремление его коллег по Институту «делать доклады» [18. С. 479].

В условиях военного времени одна из главных целей, стоявших перед историками, заключалась в активном содействии фронту, что находило свое выражение, в первую очередь, в чтении популярных лекций и подготовке специальных трудов, рассчитанных на массового читателя. Ведь как утверждал Ем. Ярославский, в годы войны каждый историк должен перебрать весь арсенал исторической науки в той области, которую он лучше всего изучил, для того чтобы применить эти накопленные знания на практике и «укрепить в народе уверенность в неизбежности нашей победы» [23. С. 17]. К решению этих задач члены Института истории АН СССР приступили еще в Москве, когда летом–осенью 1941 г. они начали подготовку специальных антифашистских брошюр, многие из которых, впрочем, так и не были напечатаны. В эвакуации историки также продолжали заниматься активной пропагандистской работой, выступая с лекциями перед широкой аудиторией и участвуя в подготовке популярных трудов. Если говорить о лекционной работе, то, как свидетельствуют деловые дневники М.В. Нечкиной, утверждавшей, что во время войны «лекции тоже воюют» [24. С. 31], только в январе–феврале 1942 г. она не менее 11 раз выступала с докладами перед военнослужащими [4. С. 349–350], а в 1943 г. и вовсе была направлена в Иран для чтения лекций расквартированным там солдатам Красной Армии [4. С. 355–364]. Не меньше перед массовой аудиторией выступали и коллеги М.В. Нечкиной по Институту истории. Та же А.М. Панкратова писала в письме к Е.И. Веденеевой, что после возвращения в Москву за месяц сделала не менее 30 докладов, иногда выступая по 2–3 раза в день [7. С. 291]. Что касается подготовки специальных изданий, то помимо газетных и журнальных публикаций и брошюр, в 1942 г. сотрудники Института работали над специальными статьями, разоблачавшими фашистскую версию истории (Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, Р.Ю. Виппер и др.) и демонстрировавшими доблесть русского оружия в различных битвах прошлого, особенно во время Отечественной войны 1812 г. (С.К. Богоявленский, С.В. Бахрушин, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье и др.).

Вместе с тем военная тематика заняла значительное место в работе сотрудников Института истории не только в связи с подготовкой популярных изданий. В годы эвакуации историки стремились более подробно разработать многие аспекты военного прошлого страны, посвящая этим сюжетам научные труды и организуя для их обсуждения специальные научные заседания. Так, к примеру, члены ташкентской группы в 1942–1943 гг. провели несколько специальных сессий, на которых обсудили марксистско-ленинскую теорию войн (23 апреля 1942 г.), историю Бородинской битвы (8 сентября 1942 г.), биографию М.И. Кутузова (28 апреля 1943 г.) и др. Е.В. Тарле, являвшийся сотрудником ЛОИИ и с лета 1941 г. находившийся в эвакуации в Казани, к 1943 г. завершил работу над вторым томом «Крымской войны», сначала получившим теплый прием, а в послевоенные годы подвергшимся серьезной критике за неумение «показать реакционную сущность царского режима» [25. С. 352]. Наконец, и для московской, и для ташкентской групп Института одной из приоритетных задач являлось завершение подготовки многотомной «Истории дипломатии», первый том которой был опубликован еще в 1941 г. и удостоен Сталинской премии. И хотя работа над этим изданием была сопряжена с немалыми трудностями, когда входившая в состав редколлегии А.М. Панкратова находилась в Москве, а основная группа сотрудников, подбиравших и обрабатывавших материал источников, – в Ташкенте [7. С. 291, 293], третий том этой серии, посвященный подготовке Второй мировой войны (1919–1939 гг.), все-таки вышел из печати в 1945 г. и был удостоен Сталинской премии первой степени [25. С. 354].

«Задачей крупного оборонного значения» для сотрудников Института истории оказалось и содействие повышению качества «обучения и воспитания миллионов школьников» [26. С. 145]. Для этого историки должны были не только продолжать готовить учителей школ в педвузах или университетах, куда они были приглашены на работу во время эвакуации, но и принимали непосредственное участие в разработке методической литературы для средней школы. Выполняя данную задачу, в 1942–1943 гг. сотрудники алма-атинской и ташкентской групп Института истории не только подготовили методические пособия для средней школы, призванные помочь организовать работу на уроке [27, 28], но и регулярно публиковали статьи на эту тему на страницах «Исторического журнала» [29] и выступали перед учителями с лекциями об особенностях трактовки того или иного исторического периода [30. С. 150].

Во время эвакуации московские историки активно включились в процесс подготовки коллективных научных и учебных трудов, посвященных истории тех регионов и национальных республик, в которых они оказались. Подобное решение отчасти диктовалось внешними обстоятельствами, а отчасти являлось закономерным результатом общего развития советской историографии в довоенные годы, когда в связи с разработкой новой концепции отечественной истории у специалистов возник интерес к прошлому народов СССР. Первые попытки подготовить подобные narra-

тивы были предприняты специалистами, эвакуированными летом 1941 г. в Казань. В частности, как писал в своем отчете за 1941 г. Б.Д. Греков, им была подготовлена отдельная глава «Народы Поволжья под властью Золотой Орды» для вузовского учебника по истории Татарстана [30. С. 148]. Оказавшись в Ташкенте, он вместе с московскими и ленинградскими коллегами приступил к подготовке учебной и научной литературы по истории Узбекистана [31. С. 153]. И хотя двухтомная «История народов Узбекистана» вышла из печати уже после войны, существенная часть работы по ее подготовке была проделана именно столичными историками в годы эвакуации. Недаром в предисловии ко второму тому читаем, что «все работы по составлению тома и обсуждению отдельных его частей, глав и разделов на собраниях авторского коллектива проведены под руководством члена корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки УзССР С.В. Бахрушина» [32. С. 5]. В 1943 г. усилиями сотрудников алма-атинской группы Института истории была подготовлена «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшая под редакцией А.М. Панкратовой и секретаря ЦК КП(б) Казахстана М. Абдыкалыкова [33]. Правда, дальнейшая судьба этого издания оказалась непростой. Не получив Сталинскую премию в годы войны, в послевоенный период «История Казахской ССР...» и вовсе была объявлена порочной и неудовлетворительной, а сотрудникам Института истории и этнографии КазФАНа было предложено подготовить новое издание [34]. Кроме того, в планах Института на 1942 г. были заявлены «Очерки по истории Башкирии» [35. Л. 1], а сотрудник ЛОИИ А.В. Предтеченский в феврале того же года был направлен в Сталинабад для организации работы над учебником для средних школ по истории Таджикистана [36. Л. 5].

Находясь в эвакуации в различных городах и регионах страны, сотрудники Института истории АН СССР внесли свой вклад и в подготовку новых научных работников. Это стало возможным как благодаря открытию в тех городах, где находились группы эвакуированных специалистов, аспирантуры и докторантуры, так и в силу организации самого процесса защиты кандидатских и докторских диссертаций. Так, в Ташкенте на протяжении 1942–1943 гг. на заседаниях ученого совета Института истории, состав членов которого, по словам современников, был блестящий [17. С. 161], регулярно проходили защиты диссертаций как местных, так и эвакуированных специалистов, а также тех, кто находился в других городах и на фронте (в данном случае защиты проходили заочно). Схожая ситуация была характерна и для Ашхабада, где благодаря эвакуированным сотрудникам МГУ также был налажен процесс защиты диссертаций местных историков [37. С. 105]. Безусловно, соглашаясь с тем, что в годы войны и научная работа в целом, и подготовка диссертационного исследования в частности нередко становились своеобразной «отдушиной» и придавали сил, особенно в экстремальных условиях, в которых, к примеру, оказался белорусский академик Н.М. Никольский, несколько месяцев проживший в лесу у партизан [38. С. 268], мы все

же не можем не обратить внимание на материальный аспект защиты диссертации. В условиях действующей системы снабжения, когда доступ к необходимым ресурсам напрямую зависел академического статуса, защита диссертации могла не просто обеспечить увеличение заработной платы, но и спасти жизнь. Недаром эвакуированная в Ташкент ленинградский этнограф Е.Э. Бломквист просила своих коллег оказать содействие в организации заочной защиты диссертации оставшейся в Ленинграде М.Д. Торэн, для которой «это очень важно, степень дает ей положение и спасает от голодной смерти» [17. С. 241].

Наряду с подготовкой изданий, имевших значение для нужд фронта или местных республик, эвакуированные сотрудники Института истории не могли не откликнуться на двадцатипятилетний юбилей Октябрьской революции. К этой дате в Свердловске, где с мая 1942 г. находился Президиум Академии наук СССР, было приурочено проведение специальной академической сессии, на одном из заседаний которой Б.Д. Греков в своем докладе охарактеризовал общий путь, пройденный советской исторической наукой с 1917 г. [39]. Схожую функцию подведения итогов в связи с грядущим юбилеем выполнял и специальный сборник, подготовленный работниками Института истории, оказавшимися в годы войны в Ташкенте, Москве, Казани и других городах, и демонстрировавший успехи советской историографии за истекшие 25 лет [40]. Кроме того, к юбилею революции Институт подготовил краткую летопись событий последней [41], заменившую, правда, изначально планировавшееся многотомное издание, работа над которым еще до войны была начата сектором истории СССР, но полученный результат оказался во многом неудовлетворительным [7. С. 297].

Наконец, находясь в эвакуации, работники Института истории АН СССР продолжали работу над собственными научными темами, входившими в сферу их исследовательского интереса еще до войны. Недаром, по словам М.В. Нечкиной, многие научные и литературные произведения военных лет «отмечены датами эвакуации и словом “Ташкент”» [24. С. 33]. Так, именно в Средней Азии сама М.В. Нечкина написала работу «Грибоедов и декабристы» и неоднократно выступала с докладами о В.О. Ключевском (25 апреля 1942 г., 15 мая 1942 г.), Е.А. Косминский работал над новым изданием монографии «Английская деревня XIII в.», Б.Д. Греков стремился завершить труд о крестьянах на Руси, а Р.Ю. Виппер опубликовал второе издание монографии об Иване Грозном, вызвавшее широкий резонанс, и начал подготовку новой монографии «Происхождение христианской литературы». Однако несмотря на отдельные успехи, все же организация работы историков вне привычной инфраструктуры Москвы была сопряжена с серьезными трудностями, в первую очередь, связанными с отсутствием необходимых научных материалов: библиотеки большинства городов, принимавших эвакуированных, просто не располагали фондами, необходимыми для завершения специализированных исто-

рических исследований. Даже в Ташкенте, где ученые могли работать в библиотеках Среднеазиатского государственного университета (САГУ), Узбекского филиала Академии наук (УзФАН), городской Публичной библиотеке и даже библиотеке «Ханума», созданной из книг, прибывших вместе с академическими институтами из Москвы, литературы не хватало [17. С. 135]. В результате, как писал Б.Д. Греков в письмах к находившемуся на фронте А.Л. Сидорову, «самую пустяковую справку негде найти, топчешься из-за этого на одном месте, в конце концов приходится переключаться на другой сюжет, пока не наткнешься на то же препятствие» [12. С. 108]. Именно поэтому такие коллективные труды, как «История СССР» и «Всемирная история», являвшиеся ключевыми для членов Института истории в довоенный период, в годы эвакуации были оставлены ими практически без внимания. В качестве одного из вариантов решения проблемы недостатка необходимых источников и, следовательно, продолжения научных занятий эвакуированные ученые нередко рассматривали временное обращение к местному материалу. К примеру, именно так, согласно данным научной хроники, поступил С.Б. Веселовский, обратившийся к обследованию фондов ташкентских архивов и даже проводивший специальные архивоведческие занятия с местными архивистами [30. С. 149]. К изучению узбекского языка с целью обратиться к истории Узбекистана в древности уже в январе 1942 г. приступил известный востоковед В.И. Авидиев, признававшийся, правда, в письмах к А.И. Яковлеву, что эта затея оказалась не слишком успешной [42. С. 438, 442].

Для сотрудников Института истории АН СССР период эвакуации оказался относительно недолгим: весной–летом 1943 г. большинство историков вернулись в Москву. Однако ни для ученых, ни для академических структур эти годы не прошли бесследно. Вероятно, одно из первых последствий, о котором стоит сказать, связано с дальнейшим закреплением за Москвой статуса главного академического центра страны, где должны были оказаться сосредоточены основные институты АН СССР. И хотя историков данные процессы не коснулись, их ближайшие коллеги – археологи и этнографы – оказались в эпицентре реорганизационных процессов, связанных с перемещением руководящих структур Института истории материальной культуры и Института этнографии из Ленинграда в Москву. В то же время эвакуация повлияла на кадровую структуру многих гуманитарных институтов. Полагаем, что возможность относительно быстрой и менее формализованной защиты диссертаций ускорила немало академических карьер. Наконец, в работе историков стало заметно некоторое изменение тематики, когда история местных республик сохраняла свою актуальность и после 1945 г. В то же время общие механизмы организации научной работы сотрудников и Института истории, и других академических структур, в целом, остались неизменными и претерпели некоторую эволюцию уже в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 264 с.
2. Хаминов Д.В. Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941–1945 гг.) // Русин. 2015. № 2. С. 210–226.
3. Хорошенкова А.В. Развитие высшего исторического образования в Нижнем Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4. С. 214–218.
4. «...и мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова ; отв. ред. Е.И. Пивовар. М. : РГГУ, 2013. 824 с.
5. Тункина И.В. Академические архивисты и ленинградские ученые в годы блокады // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб. : Наука, 2011. С. 79–91.
6. Чистиков А.Н. ЛОИИ и Великая Отечественная война // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 316–329.
7. Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова / под ред. Ю.С. Кукушкина. М. : Издательство РУДН ; Мосгорархив, 2000. 360 с.
8. Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1979. 167 с.
9. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133.
10. Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны: статьи и очерки / под ред. А.М. Самсонова. М. : Наука, 1985. С. 25–30.
11. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177.
12. Бухерт В.Г. «В эти грозные дни надо быть вместе». Письма академика Б.Д. Грекова. 1941–1944 гг. // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение) : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М. : Архив РАН, 2016. С. 95–114.
13. Василий Алексеевич Городцов: Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых ; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М. : Триумф-принт, 2015. Кн. 2: 1936–1944. Приложения. 695 с.
14. Вклад историков в сохранение памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов и др. ; под ред. С.В. Журавлева. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.
15. П.О. Московская группа Института истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 150.
16. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М. : РГГУ, 2020. 469 с.
17. «... твои письма – документ незабываемого времени...». Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 / подг. текста, предисл., комм. Е.Н. Груздевой. СПб. : Реноме, 2013. 390 с.
18. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левшина ; сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М. : Древлехранилище, 2001. 528 с.
19. Абсеметов М.О. Востоковеды АН СССР в период эвакуации на курорте Боровое в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 32–35.
20. Абсеметов М.О. Деятельность эвакуированных ученых в Казахской ССР в 1941–1945 : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2017. 34 с.
21. Фаворская Т.А. Фаворские. Жизнь семьи университетского профессора. 1890–1953. Воспоминания / под ред. А.Ю. Дворниченко ; вст. ст. А.Ю. Дворниченко, Е.А. Ростовцева. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2019. 781 с.
22. Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / сост. В.Г. Бухерт. М. : Памятники исторической мысли, 2018. 467 с.
23. Ярославский Ем. М. О ближайших задачах исторической науки в СССР // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 17–24.
24. Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны: статьи и очерки / под ред. А.М. Самсонова. М. : Наука, 1985. С. 31–41.
25. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
26. Панкратова А.М. Преподавание истории СССР в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145–152.
27. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны : методическое пособие для учителей средних школ Казахской ССР / под ред. А. М. Панкратовой. Алма-Ата : Наркомпрос Каз. ССР, 1942.
28. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны : метод. пособие для учителей средней школы Узбекской ССР / под ред. Е.А. Косминского и др. Ташкент : Госиздат УзССР, 1942. Вып. 1–4.
29. Авдиев В.И., Косминский Е.А., Ефимов А.В. Преподавание всеобщей истории в средней школе в дни Отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 122–129.
30. И.К. Советские историки в дни Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 148–150.
31. Смирнов И.И. Институт истории Академии наук СССР // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 153.
32. История народов Узбекистана : в 2 т. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Октябрьской Революции / под ред. С.В. Бахрушина и др. Ташкент : Изд-во Академии наук УзССР, 1947. 514 с.
33. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата : КазОГИЗ, 1943.
34. Абсеметов М.О. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 18–22.
35. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180.
36. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178.
37. Штейнберг Л. Историческая наука в Туркменской ССР в дни Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1943. № 7. С. 105–106.
38. Никольская Р.А. Воспоминания. Харьков : Права людини, 2013. 304 с.
39. Ивашин А. Юбилейная сессия АН СССР // Исторический журнал. 1942. № 12. С. 99–101.
40. Двадцать пять лет исторической науки в СССР : сб. ст. / под ред. В.П. Волгина и др. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. 288 с.
41. Летопись Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. А.М. Панкратовой, Г.Д. Костомарова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1942. 147 с.
42. Тихонов В.В. «... Древний Восток в своих пережитках встречается на каждом шагу»: письма египтолога В.И. Авдиева из Ташкента (1941–1943 гг.) // Мир историка : историографический сборник / под ред. В.П. Корзун и др. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. Вып. 12. С. 433–444.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 декабря 2020 г.

The Academic Science in Evacuation: The Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1941–1943

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 472, 139–146.

DOI: 10.17223/15617793/472/17

Olga V. Metel, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgametel@yandex.ru

Keywords: Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union; World War II; evacuation; Soviet historiography; scientific everyday life.

The study is supported by Grant No. MK-309.2020.6 of the president of the Russian Federation.

The article explores the scientific work of historians of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences who were in evacuation in 1941–1943. The author employed a wide range of historical sources in the study: letters, memories, scientists' diaries, materials of scientific journals, office documents, scientific works. The author used traditional methods of historical analysis: historical-genetic and comparative-historical. At the first stage of the study, the author considered the circumstances of the evacuation of the Institute of History and identified the main centers where historians were sent from Moscow. These cities were Kazan, Yekaterinburg, Almaty, Tomsk, and other cities. Tashkent was the main center of the Institute of History during the evacuation. At the second stage, the author studied scientists' living conditions during the evacuation (in Tashkent and Almaty). At the third stage, the author analyzed the main directions of historians' work during the evacuation. Historians of the Institute of History worked in two main directions during the evacuation: solving the tasks set by the battlefield and the host republics, and continuing their own research. During the war, historians gave pop-science lectures in hospitals, factories, and prepared pop-science works that told about the past wars of the Russian people. In Tashkent and Almaty, evacuated historians began writing works on the history of Uzbekistan and Kazakhstan. During the war, historians of the Institute of History paid much attention to the teaching of historical subjects. Groups of historians of the Institute in Tashkent and Almaty prepared handbooks for secondary school teachers and gave lectures for teachers. During the evacuation, Moscow historians sought to return to their collective and individual research projects. However, since they could not take all their materials with them, they could not fully implement their plans. For example, S.B. Veselovsky in Tashkent asked his colleagues who remained in Moscow to help him get books from his personal library. Despite this, many employees of the Institute of History in Tashkent or Almaty wrote some articles and monographs, finished working on the texts of candidate and doctoral dissertations and even defended them. The evacuation affected Moscow historians and local scientific schools. Strong contacts were established between them. In addition, the evacuation had a serious impact on the structure of the Soviet academic science. The evacuation ensured the status of the main center of the Soviet academic science for Moscow.

REFERENCES

1. Burdey, G.D. (1991) *Istoriik i voyna* [Historian and War]. Saratov: Saratov State University.
2. Khaminov, D.V. (2015) Historical science and historians of the home front in extreme wartime conditions (on example of Siberia 1941–1945). *Rusin*. 2. pp. 210–226. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/40/13
3. Khoroshenkova, A.V. (2018) Development of higher historical education in the Lower Volga region during the Great Patriotic War. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 214–218. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/3
4. Pivovarov, E.I. (ed.) (2013) "...i muchilas", i rabotala neveroyatno". *Dnevnik M.V. Nechkinoy* ["... suffered, and worked incredibly." Diaries of M.V. Nechkinina]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
5. Tunkina, I.V. (2011) Akademicheskie arkhivisty i leningradskie uchentye v gody blokady [Academic archivists and Leningrad scientists during the blockade]. In: *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. 2010* [Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage. 2010]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 79–91.
6. Chistikov, A.N. (2015) LOII and the Great Patriotic War. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal – Petersburg Historical Journal*. 2. pp. 316–329. (In Russian). DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00035
7. Kukushkin, Yu.S. (ed.) (2000) *Istoriik i vremya. 20–50-e gody XX veka. A.M. Pankratova* [The Historian and Time. 1920s–1950s. A.M. Pankratova]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN; Mosgorarkhiv.
8. Druzhinin, N.M. (1979) *Vospominaniya i mysli istorika* [Memoirs and Thoughts of a Historian]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
9. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 133.
10. Druzhinin, N.M. (1985) Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941–1943 gg. [The work and life of evacuated historians in 1941–1943]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *V gody voyny: stat'i i ocherki* [In Time of War: Articles and essays]. Moscow: Nauka. pp. 25–30.
11. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 177.
12. Bukhert, V.G. (2016) ["In these terrible days we must be together." Letters of Academician B.D. Grekov. 1941–1944.]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennom obshchestvenno-istoricheskom soznanii (istoricheskaya pamyat', vospriyatie, uvekovechenie)* [The Great Patriotic War in the modern socio-historical consciousness (historical memory, perception, perpetuation)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 16 May 2016. Moscow: Arkhiv RAN. pp. 95–114. (In Russian).
13. Gaydukov, P.G. & Yanovskiy, A.D. (eds) (2015) *Vasily Alekseevich Gorodtsov: Dnevnik. 1928–1944* [Vasily Alekseevich Gorodtsov: Diaries. 1928–1944]. Vol. 2. Moscow: Triumf-print.
14. Zhuravlev, S.V. (ed.) (2015) *Vklad istorikov v sokhranenie pamyati o Velikoy Otechestvennoy voyne. Na materialakh Komissii po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [Contribution of historians to the preservation of the memory of the Great Patriotic War. Based on the materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
15. P.O. (1942) Moskovskaya gruppa Instituta istorii Akademii nauk SSSR [Moscow group of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Istoriicheskiy zhurnal*. 3–4. P. 150.
16. Dolgova, E.A. (2020) *Rozhdenie sovetskoy nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
17. Gruzdeva, E.N. (ed.) (2013) "... tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni..." *Iz epistolyarnogo naslediya E.E. Blomkvist. 1942–1945* ["... your letters are a document of an unforgettable time ...". From the epistolary heritage of E.E. Blomkvist. 1942–1945]. Saint Petersburg: Renome.
18. Levina, S.A. & Levshin, B.V. (eds) (2001) *Perepiska S.B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami* [Correspondence of S.B. Veselovsky with Russian Historians]. Moscow: Drevlekhranilishche.
19. Absemetov, M.O. (2017) As USSR orientalist in Borovoe during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 32–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/5
20. Absemetov, M.O. (2017) *Deyatel'nost' evakuirovannykh uchennykh v Kazakhskoy SSR v 1941–1945* [Activity of evacuated scientists in the Kazakh SSR in 1941–1945]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.

21. Favorskaya, T.A. (2019) *Favorskie. Zhizn' sem'i universitetskogo professora. 1890–1953. Vospominaniya* [Favorskiye. The life of a university professor's family. 1890–1953. Memoirs]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
22. Bukhert, V.G. (ed.) (2018) *Perepiska N.M. i E.I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami* [Correspondence of N.M. and E.I. Druzhinins with historians, literary critics, writers]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
23. Yaroslavskiy, Em.M. (1942) O blizhayshikh zadachakh istoricheskoy nauki v SSSR [On the immediate tasks of historical science in the USSR]. *Istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 17–24.
24. Nechkina, M.V. (1985) Lektsii v dni voyny [Lectures during the war]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *V gody voyny: stat'i i ocherki* [In Time of War: Articles and essays]. Moscow: Nauka. pp. 31–41.
25. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science (mid 1940s – 1953s)]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
26. Pankratova, A.M. (1942) Prepodavanie istorii SSSR v sredney shkole v dni Otechestvennoy voyny protiv germanskogo fashizma [Teaching the history of the USSR in secondary school in the days of the Patriotic War against German fascism]. *Istoricheskiy zhurnal*. 5. pp. 145–152.
27. Pankratova, A.M. (ed.) (1942) *Prepodavanie istorii v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Teaching History in the Conditions of the Great Patriotic War]. Alma-Ata: Narkompros Kaz. SSR.
28. Kosminskiy, E.A. et al. (eds) (1942) *Prepodavanie istorii v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Teaching History in the Conditions of the Great Patriotic War]. Vols. 1–4. Tashkent: Gosizdat UzSSR.
29. Avdiev, V.I., Kosminskiy, E.A. & Efimov, A.V. (1942) Prepodavanie vseobshchey istorii v sredney shkole v dni Otechestvennoy voyny protiv germanskogo fashizma [Teaching universal history in secondary school during the Patriotic War against German fascism]. *Istoricheskiy zhurnal*. 3–4. pp. 122–129.
30. I.K. (1942) Sovetskie istoriki v dni Otechestvennoy voyny [Soviet historians in the days of the Patriotic War]. *Istoricheskiy zhurnal*. 3–4. pp. 148–150.
31. Smirnov, I.I. (1942) Institut istorii Akademii nauk SSSR [Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Istoricheskiy zhurnal*. 7. P. 153.
32. Bakhrushin, S.V. et al. (eds) (1947) *Istoriya narodov Uzbekistana* [History of the peoples of Uzbekistan]. Vol. 2. Tashkent: UzSSR AS.
33. Abdykalykov, M. & Pankratova, A. (eds) (1943) *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. Alma-Ata: KazOGIZ.
34. Absemetov, M.O. (2016) Academician A.M. Pankratova, a researcher of the history of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 18–22. (In Russian).
35. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 180.
36. Scientific Archive of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. Fund 1. List 1. File 178.
37. Shteynberg, L. (1943) Istoricheskaya nauka v Turkmenskoy SSR v dni Velikoy Otechestvennoy voyny [Historical Science in the Turkmen SSR during the Great Patriotic War] *Istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 105–106.
38. Nikol'skaya, R.A. (2013) *Vospominaniya* [Memoirs]. Kharkiv: Prava lyudini.
39. Ivashin, A. (1942) Yubileynaya sessiya AN SSSR [Jubilee session of the USSR Academy of Sciences]. *Istoricheskiy zhurnal*. 12. pp. 99–101.
40. Volgin, V.P. et al. (eds) (1942) *Dvadsat' pyat' let istoricheskoy nauki v SSSR* [Twenty-five years of historical science in the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
41. Pankratov, A.M. & Kostomarov, G.D. (eds) (1942) *Letopis' Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Chronicle of the great October socialist revolution]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
42. Tikhonov, V.V. (2019) "...Drevniy Vostok v svoikh perezhitiyakh vstrechaetsya na kazhdom shagu": pis'ma egiptologa V.I. Avdieva iz Tashkenta (1941–1943 gg.) ["... the Ancient East in its remnants found at every turn": the letters Egyptologist V. I. Avdeev from Tashkent (1941–1943)]. In: Korzun, V.P. et al. (eds) *Mir istorika* [The World of the historian]. Omsk: Omsk State University. Vol. 12. pp. 433–444.

Received: 17 December 2020